

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

БЫВШАГО КАВКАЗЦА.

Разбравъ, за пошлѣніемъ другаго дѣла, старыя залежавшіяся бумаги, нашелъ я между прочимъ нѣсколько листовъ впецщрепныхъ помѣтками о давнопрошедшемъ времени. Въ ихъ главахъ мелькнуло: Кавказъ, Чечня, экспедиція Фрейтага 1844 г., Гехинскій лѣсъ, не забыть Егора Попова и Павла Самарскаго, и цѣлый рядъ воспоминаній возникъ въ моей памяти, воспоминаній грустныхъ, потому что прошедшаго времени не вернуть, и не менѣе того воспоминаній отрадныхъ по чувству гордости, съ которыми припужденъ вспоминать о моихъ бывшихъ боевыхъ товарищахъ, безъ разбору—стоили-ли они выше, или далеко ниже меня во время оно, когда мы сообщали дѣлами горе, радости и труды. Егоръ Поповъ, Павелъ Самарскій, были повзвучившіе, люди неважные, простые липейскіе казаки, а поминать ихъ долженъ, и даже много вписывать предъ вами, что такъ долго держалъ въ забвѣніи ихъ славные, молодецкіе поступки. Хорошіе приемы должны оставаться на виду. Доказали они на какія дѣла безусловнаго и безразсчетаго самоотверженія способъ простой русскій человѣкъ, когда заговорить въ немъ сердце подъ настроеніемъ чувства благодарности, которое такъ нетрудно въ немъ возбудить. Нечего сказать, разъ-другой, злато они меня уважали; и за что было имъ меня особенно

благодарить?—развѣ только за ласковое слово, да за пригоршню дароваго овса, въ минуту пужды удѣленную мнѣ усталому коню. Въ короткихъ словахъ познакомлю читателя съ тѣми случаями, по которымъ навсегда остаюсь въ долгу у моихъ казачковъ драбантовъ, неостаточно сопровождавшихъ меня въ теченіе двухъ годовъ моего послѣдняго пребыванія на Кавказѣ.

Въ 1844 году готовилась общія экспедиція на лѣвомъ флангѣ Кавказской Линіи, для чего войска на Кавказѣ были разделены двумя дивизіями въ пѣхотнаго корпуса подъ начальствомъ генерала Лидерса. Военныя дѣйствія открылъ Фрейтагъ, двинувшись въ сердце Большой Чечни, гдѣ къ нему долженъ былъ присоединиться еще другой отрядъ, туда же направленный изъ Владикавказа подъ командою генерала Нестерова. Изъ главной квартиры, занимавшей Щедрипскую станицу на Торекѣ, въ моему величайшему удовольствію меня командировали къ Фрейтагу, у котораго, по праву старшинства, на время похода я долженъ былъ занять должность отряднаго оберъ-квартирмейстера. Первый разъ въ жизни мнѣ приходилось идти въ дѣло подъ начальствомъ этого отличнаго человѣка, съ которымъ былъ знакомъ со времени польской войны 1831 года, съ той же поры пріучившись его любить и уважать, не зная за нимъ ни одного неблагогоднаго побужденія, ни одной предосудительной черты; по этому вполне съ какою неирритирующею радостью я принялъ мое временное назначеніе, жалея только о томъ, что ему не суждено было продолжиться на время всей предполагаемой экспедиціи, отъ которой тогда еще ожидали блестящаго успѣха. Поѣхалъ я къ нему не одинъ. Вместе со мною, изъ числа прибывшихъ изъ Петербурга офицеровъ, отправлявшихся къ Фрейтагу флигель-адъютантъ, графъ Шарль Ламбертъ, графъ Эдуардъ Барановъ, князь Александръ Голицынъ, Мердеръ, и гвардейскій артиллеристъ Василій Лавиловъ.

Въ одно ясное веселое утро—погода благопріятствовала намъ во время всего десятидневнаго похода—выступили мы изъ кр. Грозной въ Чечню чрезъ Майкобское ущелье и, подвигаясь къ Гехинскому аулу, принялись по пути жечь селенія и уничто-

жать посѣвы, для наказанія чеченцевъ за непослушаніе ихъ Шамилю. Непріятель тревожилъ насъ слегка, нѣрѣдка перестрѣливался съ намию цѣпью, но нигдѣ не показывался въ значительныхъ силахъ. Эта уклончивость на первыхъ порахъ дѣлательно сопротивлялась нашему наступательному движенію не могла обмануть Фрейтага; ему хорошо было извѣстно гдѣ мѣстность позволяла непріятелю дать намъ сильный отпоръ, гдѣ онъ насъ поджидалъ, и гдѣ намъ самимъ слѣдовало глядѣть въ оба глаза, чтобы не набраться стыда. Между нами и Нестеровымъ, идшимъ къ намъ на соединеніе, лежалъ Гехинскій лѣсъ, да протекалъ Валерикъ, два мѣста, чрезъ которыя русскія войска ни разу не проходили безъ самой кровопролитной драки. Валерикъ — рѣчка смерти — по шерсти ей была и клочка — воспѣта Лермонтовымъ, а про Гехинскій лѣсъ расскажу я сухой прозой, чѣмъ онъ былъ тогда не въ поэтическомъ, а въ чисто-практичномъ военномъ значеніи: семиверстная, глухая трущоба, чрезъ которую безчисленными поворотами извивалась узкая арбаемая дорога. На половинѣ пути открывалась прогалина не шире ста сажень, упиравшаяся въ крутой оврагъ шириной около сорока шаговъ; въ трехъ верстахъ за оврагомъ Валерикъ протекалъ по обширной луговой, окруженной густымъ боромъ. Мѣсто ровное было создано въ пользу чеченцевъ, иногда не упускавшихъ случая сильно намъ вредить, когда лѣсная чаща ихъ скрывала отъ нашихъ глазъ и уберегала отъ нашей пули, а мы сами принуждены были двигаться по открытой дорогѣ. Узнавъ отъ лазутчиковъ что въ Гехинскомъ лѣсу собралось множество чеченцевъ — кто говорилъ три, а кто говорилъ даже пять тысячъ — Фрейтагъ остановился предъ лѣсомъ и послалъ Нестерову приказаніе: переправившись чрезъ Валерикъ, тремя путевыми вистрѣлами дать знать о своемъ приближеніи, и не пдаваться въ чащу прежде, чѣмъ отъ насъ не отойдутъ такимъ же сигналомъ. Рассчитывалъ Фрейтагъ, одновременно атаковавъ лѣсъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, поставить непріятеля въ два огня и такимъ образомъ на его голову обратить пораженіе, которое онъ думалъ намъ приготовить.

На третей сутки, послѣ обѣда часу во второмъ, слышались намъ дальшіе пушечные выстрѣлы. Нестеровъ переправляется чрезъ Валерикъ, подумалось намъ, станетъ лагеремъ, отдохнетъ, а завтра поутру, извѣщенные условленнымъ сигналомъ, пойдѣмъ на встрѣчу его отряду. Не прошло однако не болѣе двухъ часовъ, какъ на время прекратившійся огонь, безъ предварительнаго сигнала, загорѣлся сильнѣе и гораздо ближе. Владикавказскій отрядъ, не остававивался, шель къ намъ на соединеніе; видимо тутъ произошла ошибка, обласпавшался впоследствии тѣмъ, что посланное Фрейтагомъ приказаніе мпнопало Нестерова, не смотря на то, что было отправлено дубликатомъ съ двумя лазутчиками, поѣхавшими разными путями. Мѣстность, какъ я уже сказалъ, была непреодолимо трудная, перпрітеля собралось вдоволь на оба наши отряда; почуялъ Робертъ Карловичъ бѣду, и по нѣмъ привычки въ такомъ разѣ долго думать и совѣтоваться, мпгомъ подпалъ казаковъ и съ тремя сотнями и двумя копыными орудіями поскакалъ къ опушкѣ Гехпскаго лѣса, отдавъ мпѣ приказаніе: наскоро построить вагенбургъ для двухъ батальоновъ и потомъ вслѣдъ за ними вести остальныхъ войскъ. Покопчивъ съ вагенбургомъ, не успѣлъ я отвести колову на полъ-персты, какъ приказано было ее верпуть. Нестерову не вужна была помощь, объявлялъ присланный адъютантъ, чеченцы пропустили его почти безъ драпи, поэтому остается только приготовить лагерное мѣсто для повоприбывшихъ войскъ. Намъ самымъ пздалека было видно, какъ находившіеся у него малороссійскіе казаки, спокойно выходп изъ лѣсу, строились вдоль опушки. Сдѣлавъ нѣскоо кругомъ, пѣхота пошла обратно къ мѣсту прежней стоянки, по ей успокотъся было не суждено; десять мпнутъ спустя прскакала, какъ помпнется, графъ Барановъ съ повнымъ приказаніемъ, двумъ голопнымъ батальонамъ бѣглымъ шагомъ со мной прбыть къ Фрейтагу, ожидавшему насъ въ опушкѣ, а генералу Бѣлавскому, командовавшему всею пѣхотой, съ остальными батальонами и съ артпллеріею пдти слѣдомъ, неслиткомъ спѣша однако, чтобы прежде дѣла не утопить солдатъ. Вышло на повѣрку,

что самого Нестерова съ кавалерією чеченцы дѣйствительно пропустили безобидно, но загородили путь его обозу, когда онъ пошелъ въ среднюю лѣсу, ударили въ шашки на прикрытіе, опрокинули Навагинскій батальонъ, и потомъ отбросили къ Валерію арьергардъ, которымъ командовалъ полковникъ Вревскій. Не дожидаясь хвоста, Робертъ Карловичъ, съ двумя спѣшно имъ приведенными батальонами и двумя конными орудіями, пошелъ выручать Нестеровскій арьергардъ, строго запретивъ, хотѣлъ однимъ выстрѣломъ отвѣчать на непріятельскій огонь. Штыкомъ счищая себѣ дорогу, солдаты безъ остановки добѣжали до прогала, но тутъ были остановлены непреодолимымъ градомъ пуль, наткнувшись сверхъ того на такое зрѣлище, отъ котораго морозъ пробѣжалъ по жиламъ даже у самыхъ закованныхъ кавказцевъ. Одинъ изъ бывшихъ съ нами батальоновъ, принадлежавшій къ войскамъ 5 корпуса, при этомъ съ непривычки оробѣлъ, попытался пазадъ, но во время еще былъ остановленъ. Не полагаю, чтобы кто либо изъ бывшихъ тутъ на лицо могъ забыть это грустное мгновеніе: на встрѣчу къ намъ бѣжали совершенно голіе, съ головами до пояса кровью залитыя человѣческія фигуры. По всему тѣлу ровномъ топоромъ зарублены Навагинцы, слышавъ русское ура, вострепнулись, повискочили изъ-за кустовъ, и въ предсмертныхъ судорогахъ, не помня себя, металась въ среднюю рядовъ, душу раздражающимъ голосомъ умоляла о помощи, которой мы въ первую минуту не въ состояніи были имъ подать. Войска съ медками и съ лаваретными повозками еще не подошли, а предъ нами по другую сторону оврага въ густой чащѣ сперкало дуло позлѣ дула, и дорога, доколѣ видѣлъ глаза, была запружена сплошномъ массою лохматыхъ шапокъ. Курнаскій батальонъ подбѣжалъ къ оврагу и сталъ какъ вкопанный. Молодые были Курнацы, да въ немощи пришлось: почти въ упоръ и уже слишкомъ горячо полилъ чеченецъ, а проучить его штыкомъ мѣшало глубокій оврагъ.

Напрасно Фрейтагъ кричалъ: Курнацы не плохи!—дружно въ оврагъ, да въ штыки!—и выскакивали смѣльчаки изъ ря-

доль товарищамъ дорогу показать, да не живые, а мертвые
пырнули въ глубину оврага. Видя, что безъ подготовки не-
приятеля не ослепитъ, Фрейтагъ на краю оврага поставилъ два
орудія и приказалъ картечью очистить дорогу. Мѣсто было
тѣсное, Фрейтага съ паходившимися при немъ офицерами и
копшойими казаками, всего человекъ двадцать, пѣхота при-
жала къ самымъ орудіямъ. Робертъ Карловичъ стоялъ впе-
реди всѣхъ, а мы по близости слѣдовало находиться
вблизи. Чеченцы, не замѣкая въ упатъ его по коблю и
по числу окружавшихъ его офицеровъ, бросили стрѣлять по
поискамъ и весь свой огонь обратили на насъ. Мгновенно насъ
осыпало свинцомъ; свиста пуль уже не было слышно, ровно
впхрь загудѣлъ надъ нашими головами. Въ эту критическую
минуту мои казаки поразили меня всадною — пегаданною вы-
ходкою. Егоръ Поповъ и Павелъ Самарскій, первый Горскаго,
второй Ставропольскаго полка, поговаривались, оба разомъ вы-
скочили впередъ и заслонили меня собой отъ непріятельскихъ
пуль.

-- Назадъ! не ваше мѣсто! отозвался я, разогнать ихъ лоша-
дей и придишнулся къ Фрейтагу.

— Если убьютъ нашего брата, павелка бѣда, а убьютъ насъ,
пное дѣло — жалѣето вы насъ, хочемъ и насъ пожалѣть, от-
вѣтилъ Поповъ, подъ-устцы осадивъ мою лопадь, и слова оба
казака стали между мной и непріятелемъ, который съ раз-
стоянія пятидесяти шаговъ насъ разстрѣливалъ въ свое полное
удовольствіе. Судба однако сберегла моихъ добрыхъ казаковъ:
не проронили они ни капли крови, только предмывлявши
шайки да черкески ихъ содѣйствовало потомъ, что Че-
ченцы свинца не жалѣли и впередъ совались стною не по-
ходило на веселую шутку. И не высокопоставленную особу,
по полновластнаго начальника, ради користи или тремкой по-
хвалы, а неподпаго армейскаго офицера, угодившаго полю-
бителю, забыть себя, своихъ жепъ и дѣтей, повинуясь
угрозовному внушенію молодецкихъ сердець, пытались они убе-
речь отъ всѣмъ равно угрожающей смерти. Кажись, вѣтъ столь

блестательнаго подвига, который, судя не по видимому результату, а по душевному побужденію, было бы позволено поставить выше этого мало-подвига, и по этому мало хвѣ замѣчательнаго поступка. Фрейтагъ, отъ котораго, не взирая на его главную заботу, не ускользали и самыя незначительныя обстоятельства, при словахъ Попова обернулся, посмотрѣлъ на меня, на казаконъ, и въ памяти своей поимѣлъ ихъ имена, чтобы позже припомнить имъ дѣло, по мысливъ его, выходявшее изъ ряда вседневныхъ отличій. По этому поводу онъ не далъ имъ прямой награды, когда мы вернулись въ лагерь, сказалъ имъ только — молодцы, вѣрные, честные казаки! стану насъ поимѣть! и потомъ, нѣсколько времени спустя, представилъ ихъ въ Георгію, по случаю другаго дѣла съ непріятелемъ.

Въ этотъ день удалось намъ стать свидѣтелями еще другаго поразительнаго примѣра безстрашной русской удалы, о которомъ, рассказывая техническое дѣло, грѣшно было бы умолчать. Выстрѣлъ за выстрѣломъ нашихъ казачьихъ орудіи картечью бороздили узкую дорогу; отъ чугунныхъ испрысковъ непріятель осадилъ восторону, дорога опустѣла, но по бокамъ, въ лѣсной чащѣ не переставали слышны дымки, доказывавшіе, что непріятель крѣпко держался въ лѣсу. Въ это время изъ за послѣдняго поворота неожиданно показались два всадника, очертили голову скаканіемъ прямо на орудіи — по приказу ихъ слѣдовало прицѣлываться за малороссійскихъ или донскихъ казаконъ, остальнаго, въ облакахъ пыли и дыма, обдававшихъ ихъ изъ лѣсу, пельзъ было разглядѣть. Фрейтагъ, стоявшій на колѣхъ возлѣ самыхъ орудіи, едва успѣлъ остановить канонира уже взмахнуващаго пальникомъ, чтобы снова брызнуть картечью, какъ надуло влетѣлъ малороссійскаго казачьяго полка ротмистръ Томашевскій съ одними казаконъ, отряхнулся, перекрестился, и доносъ, что присланъ убѣдительно просить, какъ можно скорѣе идти на помощь аріергарду, попавшему въ страшныя тиски.

Молодецъ изъ молодцовъ! такой штуки я бы не сдѣлалъ! — невольпо вырвалось у меня изъ глубины души, и не постигнулся я своего восклицанія — вслѣдъ храбрости есть мѣра, и

кто ее прелезетъ, тому не скупись и на похвалу!... Я слишкомъ коротко былъ знакомъ съ опасностью, чтобы не поспѣть и въ полной мѣрѣ не оцѣнить, что значило пересты дѣвъ проскакать чрезъ лѣсъ, густо завлтый чеченцами, да еще на встрѣчу собственной картечи. Не помню, до того случалось ли мнѣ быть свидѣтелемъ подобной рѣшимости. И кому въ обширной Россіи знакомо былъ Томашевскаго, кто знаетъ про его славный подвигъ, кто вспомнилъ бы о немъ, ежели-бъ мнѣ теперь не представился случай рассказать, на какое отважное дѣло покусился храбрый малороссійанинъ.

Выслушавъ Томашевскаго, Фрейтагъ въ то-же мгновеніе спустился въ опрагъ, скомандовавъ: „орудіа на передки! Курницы на шпои!“ Но Курницы не дали ему себя опередить, роемъ пась охватили и побѣжали впередъ. „Не пустимъ тебѣ, Робертъ Карловичъ,“ кричали ему обгоняющіе пась солдаты, „наше дѣло идти передъ тобой и тебѣ оберегать, паче пашъ указывать дорогу, сами пайдентъ, но впервые пашъ зубами грызться съ чеченцомъ.“

Пока мы дрались на прогалинѣ, Вильевскій успѣлъ подойти съ прочими батальонами; непріятель не устоялъ противъ общаго натиска, раздвинулся, и пропустилъ пась къ Валерикъ. На полянѣ, съ трехъ сторонъ опоясанной густыми боромъ, Нестеровскій аріергардъ, прижавшись въ уголокъ, едва успѣвалъ отбиваться отъ нападавшаго на него многочисленнаго непріятеля, совершенно ошляпанаго отъ лѣсной удачи. Чеченцы не уюлкавъ стрѣляли въ опушки и съ высоты деревь, увязавшихъ пши вплоть до вершинъ; со стороны рѣки. поддерживалъ непрерывный огонь, они ползкомъ добивались до застрѣльщиковъ и мѣстами уже вскакивалъ рубили ихъ шашками. Наше коллпленіе разомъ дало дѣлу другой оборотъ: картечь пизъ шести орудій и густая цѣпь многогъ очистила луговину; лѣсомъ однако продолжали владѣть чеченцы и оттуда засыпали пась пулями. Провускала много себя войска, выходившія въ лѣсу, Фрейтагъ тотчасъ замѣтилъ, что у Курницовъ недостаетъ одной роты; никто не зналъ, куда она дѣвалась: была въ лѣвомъ прикрытіи, должно быть непріятель ее отрѣзалъ. Мнѣ было

поручено отыскать пропавшую роту. Съ полубатальономъ Курпичевъ я вернулся въ лѣсъ, пошелъ на умолкавшій въ немъ огонь и дѣйствительно наткнулся на роту, которой мы не досчитывались. Видя себя отрезанною, она тѣкками овладѣла непріятельскимъ сожпнутымъ заваломъ и изъ за громаднхъ володь, вакидавшихъ чеченцамъ, отъ нихъ же отбывалась. По-счастливилось намъ ее не только высвободить, но и безъ чувствительной потери привести обратно къ своему батальону. Отогнавъ непріятеля на должную дистанцію, Фрейтагъ пропустилъ сперва въ Гехипскій лѣсъ Вревскаго аріергардъ, обозъ и артиллерію, съ ними отославъ всѣхъ провожавшихъ его офицеровъ, въ томъ числѣ и меня, съ порученіемъ наблюдать, чтобы въ главной колоннѣ не разрывалась связь между частями и съ аріергардомъ; а самъ, удержавъ при себѣ одного своего адъютанта, остался позади съ двумя батальонами и четырьмя конными орудіями прикрывать наше отступленіе. Нѣсколько разъ, проѣзжая отъ хвоста къ головѣ колонны и обратно, въ этотъ день я видѣлъ случаи видѣть Фрейтага въ пылу самой ожесточенной драки и вполне убѣдиться, насколько была справедлива репутація, которою онъ пользовался на Кавказѣ. Въ кавказскую войну отступленію было настоящимъ пробнымъ камнемъ распорядительности, хладнокровія и находчивости начальствующаго. Всѣ горны вообще, а чеченцы въ особенности, слабо сопротивлялись при наступленіи, бѣшено провожали наши отступающія войска, но давая имъ шагъ сдѣлать безъ драки. Въ Гехипскомъ лѣсу чеченцы роплись; злобно расплачивались они за свои разоренные аулы и поля; въ боковыхъ прикрытіяхъ по всему протяженію лѣса успешная пальба не умолкала ни на одно мгновеніе, но хуже всего доставалось аріергарду. Узкая дорога не позволяла употребить въ дѣло больше двухъ орудій; вслѣдствіе безпрестанныхъ крутыхъ поворотовъ выстрѣламъ ихъ представлялись самыя короткія дистанціи, шаговъ на двѣсти, рѣдко больше того; по сторонамъ, въ непроходимой чащѣ, съ непріятелемъ могли вѣдаться одни стрѣлки. Фрейтагъ непріятеля несъ на плечахъ, ни на шагъ не покидал аріергардъ.

ныхъ орудій, которые все время шли на отвозахъ и картечью кропили чеченцовъ, то и дѣло металшихся ими овладѣть. Хладнокровно, не спѣша, покуривая чубучекъ, Робертъ Карловичъ распоряжался дѣйствіемъ, ободрялъ солдатъ, иногда подшучивалъ надъ неудачными попытками непріятеля проломить ихъ ряды. Казаки-артиллеристы тѣмъ временемъ, шапки заткнувъ за поясъ, чтобы сучьями съ головы не сорвало, заряжали съ быстротою молнии, разумно выжидали, въ время отдавали выстрѣлъ, когда нужно было повторить, или послѣшпо на лямкахъ отвозили орудіе. Благодаръ Фрейтагу, мы безъ прорухи прошли обратно къ вашему лагерю, хотя много потеряли людей и даже принуждены были въ лѣсу побросать тѣла убитыхъ, чего наши солдаты очень не одобряли, но нечего было дѣлать, пришлось покориться горькой необходимости, когда Робертъ Карловичъ сердито крикнулъ солдатамъ, приступавшимъ къ нему съ просьбой уносить тѣла — „бросай, не хочу живыхъ отдавать за мертвыхъ!“ Дѣйствительно каждое промедленіе, каждое скучиваніе людей, дѣйствовавшихъ въ разсмылу, вело къ новымъ потерямъ. Да и непріятелю порядочно досталось въ Гехинскомъ лѣсу. Въ продолженіе всего слѣдующаго дня онъ не потревожилъ насъ ни однимъ выстрѣломъ, подбирая своихъ раненыхъ и убитыхъ, и мы воспользовались этимъ обстоятельствомъ для отсылки съ небольшими конвоемъ въ кр. Грозную нашихъ собственныхъ раненыхъ и больныхъ.

Возлѣ Гехинскаго лѣса простоявъ четверо сутокъ, мы пошли обратно на Линію чрезъ Гойтинскій лѣсъ, гдѣ вторично имѣли очень жаркое дѣло. Но стану его одлако рассказывать, потому что рѣчь веду выпѣ не о кавказскихъ экспедиціяхъ, а о томъ какъ нашимъ добрымъ ливейцамъ случалось понимать и править свою казацкую службу. Снова обращаюсь къ моимъ казакамъ.

Въ Гехинскомъ лѣсу на первую добрую службу они мнѣ сослужили, про какую въ воинскомъ артикулѣ пѣть и поминаю. Годъ предъ тѣмъ, когда мы съ генераломъ Гуркой ходили выручать Гергебиль, да не выручили, вѣдаетъ Господь Богъ, не

по пашей пипи, мои казаки дали мнѣ такое доказательство своей сердечной привязанности, отъ которой не только тепло стало на душѣ, но сладостно согрѣлось и мое грѣшное тѣло.

Въ темную ноябрьскую ночь двинулись мы съ отрядомъ, считавшимъ не болѣе полторатысячи штыковъ и пяти горныхъ орудій, отъ Огловь на Гергебильскую гору; съ версту не доходя до спуска въ Гергебильскую котловину, въ которой находилась крѣпость, атакованная Шамилемъ, по приказанію Владиміра Осиповича была оставлена козачья колонна ждать разсвѣта. Ночь была бурная, морозная; вѣтеръ свисталъ надъ нашими головами вихремъ, поднимая спѣющую пыль, жгучими валами врывающуюся въ лицо и въ глаза. Солдаты кучами улеглись на спѣгу; легъ и я, выбравъ мѣстечко, гдѣ было побольше спѣгу, чтобъ острые камни въ бока не кололи; закрылъ голову буркой и пытался уснуть, но отъ холода и отъ усталости глазъ не могъ сомкнуть. Дрожь пробирала меня до костей. Вдругъ я почувствовалъ пріятную теплоту, которая невольнѣ отчего стала разливаться по жиламъ, и впалъ въ глубокій сонъ. Голосъ генеральскаго адъютанта, Василя Ивановича Муравьева-Апостола, меня разбудилъ; „свѣтаетъ, вставайте,“ шепталъ онъ мнѣ на ухо, „Владиміръ Осиповичъ приказалъ безъ бол барабанаго и какъ можно тише поднять и построить отрядъ.“ Откинувшись отъ себя какую то небывалую тяжесть, взглянулъ и повздыхнулъ, отчего мнѣ стало тепло и отчего удалось такъ отлично проспать.

Три казака мои, Пономѣвъ, Самарскій, да состоявшій въ то время при мнѣ Иванъ, Гребенскаго полка, тремъ своими — бурками меня накрыли и все время, что я спалъ, присидѣли у моихъ ногъ на рѣзкомъ ночномъ вѣтру, оттирая другъ друга, чтобъ не окоченѣть. Темная была ночь, никому ихъ неограниченная заботливость обо мнѣ не могла броситься въ глаза, не помогали они отлѣзти, а съ полною простотою морщили себя, жалѣли меня, потому что мнѣ случалось ихъ жалѣть. Муравьевъ не успѣлъ похвалить казаковъ: „ничего сказать, славные ребята, отлично бережете Федора Федорича,“ къ чему я отъ себя прибавилъ душевное спасибо, совѣтуя впередъ, однако,

сберегал меня и себя нѣсколько побережь, потому что служба ихъ была еще и на другое, болѣе важное дѣло.

Еще остается мнѣ разсказать одинъ случай, давшій Попову неоспоримое право на мою вѣчную благодарность. Рискую быть раздавленнымъ или по меньшей мѣрѣ полопать руки и ноги, отъ спасъ мою жизнь отъ смертельной опасности. Дѣло случилось слѣдующимъ образомъ. Въ мое послѣднее пребываніе на Кавказѣ я нѣсколько разъ поплъ жену съ Иванъ въ Тифлисъ на свиданіе съ родными; Поповъ провожалъ насъ во всѣ эти поѣздки. Въ 1844 году, возвращаясь изъ Тифлиса въ Ставрополь, откуда я долженъ былъ ѣхать въ Москву, рѣшившись навсегда покинуть Кавказъ, мы поздно пріѣхали въ Душеть и, переѣхавъ лошадей, посидѣли отъѣздомъ, чтобы засвѣтло еще проѣхать по предстоявшей намъ опасной дорогѣ. Душеть, лежитъ на высокой горѣ, дорога къ Анапсу, персть на семь, спускался подъ гору уступами, пролегла карнизомъ: на право гора стѣной, на лѣво глубокой обрывъ. Поѣхались мы въ двухъ экипажахъ: въ каретѣ жена со мной, Поповъ на козлахъ; въ позади-ѣхавшемъ тарантасѣ горничная съ повобрачаннымъ супругомъ, павшимъ москвичемъ-лакеемъ, съ пріѣздомъ въ випородную Грузію всацѣло продавшимся опонтельному соблазпу краснаго кахетинскаго. Во время шерепряжен лошадей на душетской почтовой стаціи, онъ слишкомъ глубоко заглянулъ въ стаканъ, отъ этого утратилъ способность удерживать свое тѣло въ должномъ равновѣсїи, по за то воспаленнелся ревностью къ исполненію своихъ лакейскихъ обязанностей, каковая въ нормальномъ состоянїи за нимъ не водилась. На первомъ же спускѣ представилась необходимость подхорювать шестерикомъ заложениую карету. Поповъ слѣзъ съ козелъ, подложилъ тормазъ, и приказавъ тронуться, самъ пошелъ возлѣ колеса. Лакей Иванъ, не слушая увѣщаній своей дражайшей половини, выѣзъ изъ тарантаса, дошелся до кареты и, шатаясь, ухватился за колесо, въ помощь тормазу. Поповъ, опасаясь, чтобы ему не случилось, спотыкнувшись, попасть подъ карету, сталъ его отгонять, но Иванъ ничего знать не хотѣлъ,

бранился и самого Попова отталкивалъ отъ колеса. Не предвидя добра отъ этого спора, я выпрыгнулъ изъ кареты съ пѣлюю прогнать пѣлваго Ивана, съ которымъ одна Поповъ не могъ совладать. Въ это самое мгновеніе торназъ лопнулъ, колесо дало поворотъ, уцѣпившагося за него Ивана швырнуло впередъ и лошади поспели. Казалось не выповать было Ивану быть подъ каретою, а жепъ съ экипажемъ, разбитымъ въ дребезги, лежать въ бездонной пропасти. Но Гехяпскій молодецъ и тутъ себя показалъ. Ухвативъ, можно сказать на лету, и отбросивъ въ сторону ошалѣвшаго Ивана, съ быстротою стрѣлы Поповъ обогналъ карету, бросился между лошадей, повисъ на дышлѣ и своею тяжестью затормозилъ напоръ экипажа. Сажепъ дышлѣ проломили его лошади въ этомъ опасномъ впечателъ положеніи, постепенно утѣрля свой бѣгъ, и жена находилась уже вѣтъ всякой опасности, когда я самъ, задыхался, успѣлъ выгнать карету.

Какъ, послѣ такихъ услугъ, вѣтъ моихъ казаковъ не благодарить и не пощипать!

Вышнѣ Казказецъ.

3 Февраля 1874 года.

С.-Петербургъ.